

ПРЕДИСЛОВИЕ

Взаимодействие языка и права, или «*language, law and crime*», является важной прикладной проблемой, стоящей перед мировой лингвистикой [Голев 1999]. Эта проблема была сформулирована в 60-х годах XX века; ее интенсивная разработка началась в конце XX века, в западной науке — под названиями *Forensic Linguistics*¹, *Rechtslinguistik*², а в российской — лингвокриминалистика, юрислингвистика [Голев (ред.) 1999], судебное речеведение [Галышина 2003].

С 90-х годов XX века в русле этого направления прикладной лингвистики ведутся когнитивно-семиотические исследования юридических концептов и терминов (например, [Endicott 2002]), исследования коммуникативно-прагматического аспекта использования юридического языка в судебном процессе (например, [Tiersma 1995; 1999]) и разбатываются конкретные методики (например, [McMenamin 2002; 2010]) лингвистической экспертизы [Глинская 2013].

В современной России проблема взаимоотношения языка и права актуальна вследствие конфликтогенности многих сфер жизни — от конкуренции в рыночной экономике и в избирательных кампаниях, от взаимоотношений в мировой и внутренней политике до межличностных отношений. Она стимулирована и реформой законодательства, принятием Конституции РФ с новой концепцией прав и свобод человека и гражданина. Разрешению этой проблемы служит, в частности, лингвистическая экспертиза.

Лингвистическую экспертизу в этом случае можно рассматривать как особый тип исследования речевой деятельности/речевого поведения, предназначенный для сбора доказательств по тем преступлениям и правонарушениям, где текст

¹ Термин *Forensic Linguistics* впервые использован в работах [Svartvik 1968; Frederick 1949]. В The Cambridge Encyclopedia of Language данный термин определяется следующим образом: «Forensic linguistics is the use of linguistic techniques to investigate crimes in which language data constitute part of the evidence» [Encyclopedia 1987].

² Термин *Rechtslinguistik* впервые использован в работе [Podlech 1976].

или его фрагмент выступает либо как объект покушения (например, авторский текст или фирменное / марочное наименование как знак маркетинговой индивидуализации и одновременно как продукт интеллектуальной собственности) либо, наоборот, как орудие преступления (например, распространение порочащих сведений) [Галяшина, Россинская 2005]. В таких случаях, как подчеркивал А. Р. Ратинов, никаких других источников доказательств обычно не существует [Симонов, Горбаневский 2004: 104].

Термин «лингвистическая экспертиза» распространяется на несколько аналитических процедур, выполняемых лингвистами с разными целями и в интересах разных инстанций, а также на текст, в котором оформляется эта процедура. Из них основная — судебная лингвистическая экспертиза, а «при ней» — заключение специалиста. Разница между ними важная, но имеет характер формально-правовой, а не концептуальный: первая выполняется по определению суда, второе — по запросу тяжущихся сторон и не обязательно к судебному рассмотрению.

По отечественной традиции лингвистической экспертизой именуется также исследование в рамках информационных споров, т. е. конфликтов по поводу содержания, формы или размещения информационной продукции, которые разрешаются ведомственными правоприменителями: Роскомнадзором — произведений журналистики, управлениями Федеральной антимонопольной службы — рекламы, Центральной избирательной комиссией — информационного обеспечения выборов. На периферии этого «поля» — превентивная экспертиза, заказчики которой — органы СМИ, рекламные агентства или рекламодатели — хотят во избежание конфликтов понять, соответствует ли контент требованиям законодательства.

Лингвистическая экспертиза выполняется, когда подсудным деянием, для доказательства совершения которого нужны экспертные знания, оказывается речевой деликт (например, клевета, ненадлежащая реклама, злоупотребление свободой слова) с его последствиями, вредом, им нанесенным (например, оскорблением, унижением чести и достоинства и умалением деловой репутации). Предмет судебной лингвистической экспертизы — «факты (обстоятельства), имеющие значение для уголовного либо гражданского дела и устанавливаемые на основе анализа речевой деятельности» [РФЦСЭ]. Объект — «продукты речевой деятельности (от отдельного

слова до целого текста или группы текстов), зафиксированные в письменной форме (в том числе устные тексты, записанные с помощью букв)» [РФЦСЭ].

Судебная лингвистическая экспертиза — самостоятельный и официально признанный (с 2005 г.) род судебных экспертиз, принадлежащий к классу речеведческих экспертиз (наряду с фоноскопической и почерковедческой) [Галяшина 2003]. В свою очередь он разделяется на виды (а те — на подвиды). Согласно положениям Российского Федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, дифференциация судебных лингвистических экспертиз проводится на основании задач; три ее вида — автороведческая (анализ особенностей текста как носителя информации о его авторе); смысловая, или семантическая (выявление смыслов, выраженных в тексте или его фрагменте); анализ наименований (исследование названий фирм, торговых марок, доменных имен и т. д.).

С опорой на традиционную криминалистическую классификацию судебных лингвистических экспертиз в зависимости от трех сопряженных признаков: особенностей объекта, специфики задач и спектра экспертных знаний [Россинская 2006] — выделяют такие виды судебных лингвистических экспертиз, как экспертиза рекламных текстов, текстов экстремистской направленности, официально-деловой документации и др. [Чубина 2015]. Нельзя не упомянуть и такой вид экспертизы, как экспертиза диффамации — с подвидами: экспертиза по ст. 152 ГК РФ (распространение порочащих сведений), в том числе умышленное (т. е. клевета, ст. 128.1 УК РФ) и оскорбление (КоАП, ст. 5.61).

Отметим, что в западной судебной лингвистике (как минимум в английской или в американской) конфигурация проблем несколько иная: там обсуждаются не столько классы/роды/виды экспертиз, сколько «зоны правового риска» и характерные для них задачи: «defamation» (в отечественной практике — «диффамация»), адаптация человека в поликультурной среде (например, [Coulthard, Johnson (eds.) 2010]), борьба с терроризмом (например, [Shuy 2010]), борьба с плагиатом (например, [Coulthard et al. 2010]), а также «*trademark infringement*» или «*trademark cases*» [Tiersma, Solan 2002], что в отечественном варианте соответствует экспертизе наименований.

Объединяет все эти исследования то обстоятельство, что они выполняются на основе особой концепции — теории лингвистической экспертизы. Как самостоятельное научное направление она только складывается; упомянем исследование [Леонтьев и др. 1997; Симонов, Горбаневский 2004], работы [Баранов 2007; Бринев 2009; Осадчий 2013].

Как отмечает А. Н. Баранов, «в экспертизе текста так или иначе затребованы практически все разделы теории языка», и в первую очередь, лексическая и лингвистическая семантика и лингвистическая прагматика — теория речевых актов, теория речевого воздействия и теория аргументации [Баранов 2007: 18–19]. Но в то же время для решения конкретных исследовательских задач в области лингвистической экспертизы не всегда достаточно существующих инструментов теоретической лингвистики [Бринев 2009]. Юридическая лингвистика формируется как отдельная дисциплина, поскольку «непосредственно обслуживая судебную истину, деятельность лингвиста-эксперта в настоящее время стремится иметь единые, непротиворечивые и даже устойчивые правила исследования (в том числе и в первую очередь его теоретико-методические правила)» [Голев 2009: 13].

Теория лингвистической экспертизы — это самостоятельное направление прикладной лингвистики, основанное на достижениях когнитивистики, коммуникативистики и семиотики, с собственным подходом, который обусловлен целями и задачами лингвоэкспертных процедур, с разнообразными исследовательскими алгоритмами и с собственной терминологией, комплементарной как к лингвистике, так и к юриспруденции. Теория лингвистической экспертизы имеет собственный объект, который отличен «от объекта и общего языкознания, и теории речевых актов, и социолингвистики и любой другой лингвистической дисциплины, а именно: речевую деятельность, результатом которой оказывается конфликтогенный текст, в первую очередь сам такой текст» [Мишланов и др. 2011: 7]. Наиболее важными теоретическими задачами этого направления являются разработка методологических основ, принципов и методов судебно-лингвистической экспертизы, исследования в области типологии речевых правонарушений и конфликтогенных текстов, выявление объективных критериев смысловой интерпретации речевых произведений различных жанров [Мишланов и др. 2011: 12–17].

Настоящий сборник включает работы российских исследователей, написанные на основе докладов, сделанных в рамках научно-практической конференции «Лингвистическая судебная экспертиза: теория и практика» (ИЛИ РАН, 27–29 апреля 2016 г.). Авторы публикуемых статей представляют крупные российские центры изучения теоретических оснований лингвистической экспертизы: Барнаул (Т. В. Чернышова), Кемерово (П. А. Катышев, С. В. Оленев), Москву (Е. С. Кара-Мурза,), Санкт-Петербург (В. В. Васильева, Л. Р. Дускаева, Е. Н. Геккина, В. А. Ефремов, И. Е. Кузнецова, С. М. Оленников, Т. С. Садова), Уфу (Ю. С. Фомина, Е. Е. Хазимуллина) и др. Все авторы статей являются действующими экспертами.

Сборник объединяет как работы общего характера, освещающие ряд аспектов теории и методологии лингвистической судебной экспертизы, так и конкретные исследования, основанные, в частности, на материалах поведенных авторами экспертиз. По тематическому принципу вошедшие в сборник работы могут быть сгруппированы в три блока.

Первый блок включает публикации, в которых рассматриваются наиболее актуальные вопросы общей методологии лингвистической экспертизы: проблема выбора метода и методики исследования конфликтного текста (статья Т. В. Чернышовой); семантическое наполнение понятия *оскорбление* в наивной и юридической картине мира (статья В. А. Ефремова); спорные вопросы лингвоэкспертной квалификации сведений как субъективных или объективных (статья Г. С. Иваненко); проблема обоснования негативного характера сведений, представленных в анализируемых текстах (статья Ю. В. Бариновой); конфликтный потенциал наименований лиц (статья Т. С. Садовой); вопрос об альтернативной интерпретации высказываний (статья Е. Н. Геккиной).

Второй блок публикаций связан с лингвистической экспертизой коммерческой рекламы и товарных знаков: статья Е. С. Кара-Мурзы посвящена актуальной проблеме теоретического осмысления и разработки методов лингвистической экспертизы коммерческой рекламы; в статье М. А. Венгранович, И. Е. Кузнецовой и Д. В. Третьяковой рассматриваются особенности лингвистической экспертизы наименований лекарств.

Третий блок образуют статьи, касающиеся лингвистической экспертизы текстов, имеющих признаки речевого вовлечения людей

в экстремистскую деятельность путем вербального побуждения. В него входят публикации П. А. Катышева и С. В. Оленева, Е. Е. Хази-муллиной, Ю. С. Фоминой, Э. Э. Лаврик, В. В. Васильевой и Л. Р. Дускаевой, С. М. Оленникова.

Составители надеются, что материалы сборника будут полезны как лингвистам, выступающим в качестве судебных экспертов, так и ученым, представляющим другие направления лингвистики.

Выражаем глубокую признательность рецензентам — доктору филологических наук, профессору кафедры русского языка РГПУ им. А. И. Герцена Валерию Анатольевичу Ефремову, кандидатам филологических наук Наталии Витальевне Козловской, Елене Николаевне Геккиной и Анне Владимировне Волынской, оказавшим неоценимую помощь в подготовке статей к публикации. За доброжелательное внимание и поддержку особо благодарим ответственного за выпуск тома — кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника ИЛИ РАН Урманчиеву Анну Юрьевну.

Литература

- Баранов 2007 — А. Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза: теория и практика. М.: Флинта — Наука, 2007.
- Бринев 2009 — К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009.
- Галяшина 2003 — Е. И. Галяшина. Основы судебного речеведения. М.: СТЭНСИ, 2003.
- Галяшина, Россинская 2005 — Е. И. Галяшина, Е. Р. Россинская. Становление и развитие судебно-лингвистической экспертизы // Юстиция 3, 2005. С. 16–23.
- Глинская 2013 — Н. П. Глинская. Современные исследования западной юридической лингвистики: новые проблемы и подходы // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация 1, 2013. С. 152–158.
- Голев 1999 — Н. Д. Голев. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Н. Д. Голев (ред.). Юрислингвистика: проблемы и перспективы: Межвузовский сборник научных трудов. Барнаул: изд-во Алтайского университета, 1999. С. 11–58.
- Голев 2009 — Н. Д. Голев. От редактора: Взаимоотношения языка, права и истины в монографии К. И. Бринева // К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009. С. 7–14.

-
- Голев (ред.) 1999 — Н. Д. Голев (ред.). Юрислингвистика: проблемы и перспективы: Межвузовский сборник научных трудов. Барнаул: изд-во Алтайского университета, 1999.
- Леонтьев и др. 1997 — А. А. Леонтьев, В. Н. Базылев, Ю. А. Бельчиков, Ю. С. Сорокин. Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и массовой информации. М.: Фонд защиты гласности, 1997.
- Мишланов и др. 2011 — В. А. Мишланов, А. В. Голованова, В. А. Салимовский. Основы прикладной лингвистики: теория и практика судебной лингвистической экспертизы текста. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2011.
- Осадчий 2013 — М. А. Осадчий. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
- Россинская 2006 — Е. Р. Россинская. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2006.
- РФЦСЭ — Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (официальный сайт). (<http://www.sudexpert.ru/possib/lingv.php>)
- Симонов, Горбаневский 2004 — А. К. Симонов, М. В. Горбаневский (ред.). Понятия чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. М.: Медия, 2004.
- Чубина 2015 — Е. А. Чубина. Судебная лингвистическая экспертиза рекламы: мифы и реальность // Российская школа связей с общественностью. Ежегодный альманах 6, 2015. С. 138–146.
- Coulthard, Johnson (eds.) 2010 — M. Coulthard, A. Johnson (eds.). The Routledge Handbook of Forensic Linguistics. L.: Routledge, 2010.
- Coulthard et al. 2010 — M. Coulthard, A. Johnson, K. Kredens, D. Woolls. Four Forensic Linguists' Responses to Suspected Plagiarism // M. Coulthard, A. Johnson (eds.). The Routledge Handbook of Forensic Linguistics. L.: Routledge, 2010. P. 523–539.
- Encyclopedia 1987 — The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge [Cambridgeshire] — New York: Cambridge University Press, 1987.
- Endicott 2002 — T. Endicott. Law and Language // J. Coleman, S. Shapiro (eds.). Jurisprudence and Philosophy of Law. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 935–968.
- Frederick 1949 — A. Frederick. Language and the Law: the Semantics of Forensic English. New York: MacMillan, 1949.
- McMenamin 2002 — G. R. McMenamin. Forensic Linguistics: Advances in Forensic Stylistics. L. — N. Y. — Washington DC: CRC Press, 2002.

-
- McMenamin 2010 — G. R. McMenamin. *Forensic Stylistics. Theory and Practice of Forensic Stylistics* // M. Coulthard, A. Johnson (eds.). *The Routledge Handbook of Forensic Linguistics*. L.: Routledge, 2010. P. 487–507.
- Podlech 1976 — A. Podlech. *Rechtslinguistik* // D. Grimm (hrsg.). *Rechtswissenschaft und Nachbarwissenschaften*. Bd. II. München: Beck, 1976. S. 105–116.
- Shuy 2010 — R. W. Shuy. *The Language of Defamation Cases*. New York: Oxford University Press, 2010.
- Svartvik 1968 — J. Svartvik. *The Evans Statements: A Case for Forensic Linguistics*. Göteborg: University of Gotenburg, 1968.
- Tiersma 1995 — P. M. Tiersma. *Dictionaries and Death: do capital jurors understand mitigation?* // *Utah Law Review* 1, 1995. P. 1–50.
- Tiersma 1999 — P. M. Tiersma. *Legal Language*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1999.
- Tiersma, Solan 2002 — P. Tiersma, L. M. Solan. *The Linguist on the Witness Stand: Forensic Linguistics in American Courts* // *Language* 78, 2, 2002. (<http://muse.jhu.edu/article/19396/pdf>)

Е. С. Кара-Мурза, МГУ, Москва
И. Е. Кузнецова, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург